

ниях сказочника о себе (стр. 58). Таким образом, материал сборника убеждает в том, что традиция сказочного жанра еще жива и развивается.

Самым интересным разделом сборника является раздел «Песни». С. И. Милиц отобрала для публикации тексты, отличающиеся высокими художественными достоинствами. Среди них следует отметить уникальную историческую песню об осаде Плевны и поэтический похоронный причет. Выразительно выступает в песнях тяжелая безрадостная жизнь русской женщины дореволюционной России в чужой семье, с нелюбимым мужем. А как высок моральный облик женщины, которая не хочет выходить за богатого и выбирает себе бедного, но любимого крестьянина! Можно пожалеть, что в сборнике не опубликованы мелодии этих песен; они могли бы быть использованы и в преподавательской, и в пропагандистской работе, и в репертуаре самодеятельных коллективов. Публикация таких прекрасных песен как нельзя лучше убеждает читателя в жизненности поэтической традиции Вологодской области.

Значительное место в сборнике отведено частушке — одному из самых распространенных жанров современного устно-поэтического творчества. Составители удачно подобрали материал, снабдили его содержательным комментарием. Следует особо отметить тонкий и оригинальный анализ поэтики вологодской частушки, данный Н. И. Савушкиной; он может служить примером для анализа не только вологодских частушек. Основные темы частушек — борьба за мир, созидательный труд советских людей, любовь к партии — нашли здесь свое яркое отражение. Высокие идейные и художественные качества частушки, массовость ее распространения являются свидетельством ее устойчивой и активной жизни.

Вместе с тем следует высказать несколько критических замечаний и пожеланий в адрес составителей сборника. Нам кажется, что сборник значительно выиграл бы при некоторой композиционной перестройке. Во вступительной статье следовало бы раскрыть не только историю собирания и изучения вологодского фольклора, но и идейное и художественное его богатство, влияв в эту часть статьи анализ поэтики частушек из раздела «Комментарии». Хотелось бы узнать, какие же изменения произошли в жизни и мировоззрении людей после Октября. Следовало бы осветить не только поэтику частушек, но и поэтику сказок и песен. Одновременно с проблемой традиции нас интересует и проблема новаторства. Что собой представляет новая вологодская песня, каковы ее особенности? Какова песня самодеятельных коллективов? На эти вопросы сборник ответа не дает. Правильно ли деление частушек на три группы: любовные, старая деревня, новая деревня? Не лучше ли было отделить старую частушку от новой и анализ поэтики дать не только для любовных частушек, а по всему разделу? Во вступительной статье обойдено молчанием изучение эпоса Вологодской области, а между тем этот материал есть в сборнике бр. Соколовых.

Частушки в сборнике даны без нумерации, что очень затрудняет исследовательскую работу. Совершенно необходимы ссылки на номера в комментарии. Вызывают недоумение непонятные рубрики под № 26-а и 125-а. Тексты песен № 26 и 26-а не связаны между собой. Песня № 26 — о войне 1812 г., а песня 26-а — о турецкой войне. Еще большее удивление вызывает сочетание свадебной песни под № 125 и... похоронного причета под № 125-а. Здесь очевидна редакционная небрежность. В комментариях к песням № 49, 107, 128, 130, 143 не указано время записи текста. Отсутствуют ссылки на архивы в комментариях к сказкам под № 48, 98, 123, 125-а. Вызывает сомнение художественная ценность сказок «Богатырь», «Про кашу» и некоторых частушек (стр. 186, третья строка снизу; стр. 212, 4-я строка сверху).

Все эти промахи отнюдь не снижают весьма положительной оценки сборника, который и по материалу, и по научному аппарату представляет большой интерес не только для массового читателя, но и для исследователя. Ведь в его создании принимал участие большой коллектив научных работников, аспирантов, студентов. Привлечение молодежи к научно-исследовательской работе является очень нужным делом. Бесспорно и учебно-методическое значение сборника: он послужит ценным пособием для преподавателей и учащихся, поможет самодеятельным коллективам в сохранении и пропаганде богатой местной поэтической и музыкальной традиции.

Ю. Сидорова.

Б. Х. Кармышева, *Узбеки-локайцы Южного Таджикистана*. Труды института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР, т. XXVIII, Сталинабад, 1954.

Автор рецензируемой работы ограничивает себя рамками исследования «хозяйства, культуры и быта локайцев, связанных с животноводством, которое в прошлом было основным занятием, определявшим весь уклад их жизни в предреволюционный период их истории» (стр. 4), но, как следует из оглавления и содержания, исследование вышло далеко за эти рамки.

Работа основана главным образом на обширном материале сплошного этнографического обследования районов обитания локайцев и представляет собой ценный историко-этнографический труд, связанный с исследованием недостаточно изученной и освещенной проблемы этногенеза узбеков. Разрабатывая эту проблему на обширном

этнографическом материале, Б. Х. Кармышева удачно связала ее с хозяйственной деятельностью локайцев и окружающего их населения.

Большую ценность в этом исследовании прежде всего представляет раздел «Расселение и родоплеменной состав», где приведены новые подробнейшие сведения о локайцах, таблица их родоплеменного состава и две карты расселения локайцев. Здесь автор вносит ряд коррективов в имеющиеся в литературе данные и прослеживает историю расселения не только основных родовых групп, но и мелких их подразделений. Кроме того, на карте (рис. 3) наглядно показаны изменения в расселении локайцев, происшедшие за годы социалистического строительства и главным образом в связи с осуществленными плановыми мероприятиями по переселению населения горных кишлаков на вновь орошенные земли Вахша.

Весьма ценными, на наш взгляд, являются приведенные автором данные о делении локайцев по экономико-географическому признаку на две большие группы: гиссарскую и кулябскую и далее — о делении каждой из них на два рода, которые в свою очередь разветвлялись на более мелкие родовые подразделения (стр. 9). Однако, говоря о родоплеменной структуре локайцев, следовало яснее показать ее роль и причины ее бытования, а главное внести ясность в генеалогическую структуру. Совершенно недостаточно упомянуть, что у локайцев для обозначения рода употребляются несколько терминов: урук, тайфа, каум, улус. Не объяснив этого, автор допустил при рассмотрении родоплеменного деления ряд неточностей. На стр. 10 автор пишет: «род Бадраглы делится на три подразделения — Кызыл-бай, Парча и Мерген». А несколькими строками ниже подразделения Кызыл-бай и другие автор называет родами. На стр. 11 автор пишет: «Род Турт-оул, один из двух самых крупных родов бальджуанских локайцев, имеет следующие ветви: уч-уул, суяндук, бурундук, чал, кусе, гургуру или гергера»; в следующем же абзаце ветвь уч-уул и другие называются родами. Заметим, кстати, что и в само понятие рода автор не внес ясности. На наш взгляд, при употреблении термина «род» следовало брать его в кавычки: у локайцев так же, как и у ряда племен и народностей Средней Азии, «род» уже давно утратил свое бывшее значение.

Попытка автора наглядно иллюстрировать расселение локайцев заслуживает положительной оценки. Но сами карты (рис. 1 и 3) составлены плохо, очень схематичны. Объясняется это, на наш взгляд, не отсутствием материала, на что ссылается автор, а недооценкой этностатистического изучения населения и этнического картографирования. Недооценка эта заметна не только в рецензируемой работе, но и в работах других этнографов Таджикистана. Б. Х. Кармышева, А. К. Писарчик и другие, на протяжении ряда лет проводя сплошное этнографическое обследование районов и областей республики, не уделяют внимания такому важному вопросу, как сбор этностатистических сведений. В результате они лишены возможности составить не только подробную этническую карту, но и нарисовать приблизительную схему с показом смешанных в родоплеменном для прошлого и этническом для наших дней отношении территорий по отдельным кишлакам, колхозам, сельсоветам и районам.

Во втором разделе, являющемся одним из лучших в работе, Б. Х. Кармышева останавливается на вопросах, связанных с происхождением локайцев. Здесь автором не только приводятся две наметившиеся в литературе гипотезы о происхождении локайцев, согласно которым локайцы считаются либо одним из родов узбеков, либо происхождение их связывается с именем одного из чингисхановских военачальников по имени Локай, но и серьезно и убедительно противопоставляет этим гипотезам свою, как нам кажется, правильную точку зрения. Последняя хорошо обоснована сравнительно-этнографическим материалом (родоплеменные этнонимы, тамги, язык, традиции родового деления, хозяйственной деятельности, некоторые элементы материальной и духовной культуры). Однако в этом очень интересном разделе некоторые положения автора представляются неясными. Так, не совсем убедительными без указания источников являются данные о сходстве тамги локайцев с приводимыми на стр. 19 тамгами ряда «родов» и «племен» казахов, туркмен, каракалпаков и другие. Кроме того, если автор признает, что локайцы являются участниками многовекового исторического процесса тюркского этногенеза и, следовательно, образовались задолго до XVI в. (стр. 19—32), то и исследование их истории следовало бы начать не с начала XVI в. (стр. 32), а с более раннего времени.

Главным и самым большим в рецензируемой работе является раздел «Животноводство как основная отрасль хозяйства локайцев до революции», где автор использовал обширный литературный и полевой материал, а также целый ряд специальных исследований по животноводству для решения вопроса о происхождении локайской лошади и гиссарской овцы. Заслуживает положительной оценки сделанное в этом разделе этнографическое описание коневодства, техники животноводческого хозяйства, постепенного перехода локайцев к земледелию и т. п. Однако и в этом очень интересном разделе исследования не убедительны, и даже спорны утверждения автора о том, что в предреволюционные годы животноводство являлось основной отраслью хозяйства локайцев. В ряде случаев сам автор, основываясь на сообщениях информаторов, отмечает, что локайцы вынуждены были перейти к земледелию (стр. 44), «начали заниматься земледелием примерно с середины XIX в., а значительные размеры оно приняло у них с 70-х годов прошлого столетия» (стр. 47); что основная масса локайцев, «перейдя к хлебопашеству, уже к десятым годам текущего столетия становится одним из:

основных поставщиков зерна не только для Южного Таджикистана, но и на внешний рынок» (стр. 49) и т. д. (см. стр. 48, 49, 50, 63). Более того, оказывается, что локайцы часть хлеба меняли на овец и шерсть (стр. 49). Но если у локайцев основной отраслью хозяйства являлось животноводство, то спрашивается, чем же вызывалась необходимость обмена хлеба на овец и шерсть.

Все эти сведения из работы автора опровергают его утверждение о приоритете в предреволюционные годы животноводства над земледелием у локайцев. Автор, определяя удельный вес животноводства, исходил только из поголовья скота, не учитывая степень социального расслоения и других показателей экономики локайцев.

Раздел «Общественные отношения» по объему невелик и содержит много общих мест. Тем не менее он представляет значительный интерес, так как в нем приводятся ценные сведения об административном устройстве локайцев, особенностях патриархально-феодальных отношений, издольщине, налогах, о родоплеменной взаимопомощи, участии локайской бедноты «в крестьянских восстаниях и волнениях, непрерывно происходивших в Бальджуанском, Кулябском, Гиссарском и других бекствах» (стр. 130). К сожалению, этот последний момент изложен глухо и недостаточно.

В разделе «Домашний быт» автор описывает отдельные, наиболее характерные элементы материальной культуры — жилище и домашнюю утварь, пищу, одежду. Семейные отношения не нашли здесь места. Вызывает недоумение, почему автор сопоставляет некоторые элементы культуры локайцев с элементами культуры казахов (стр. 134, 141). Важнее было бы сопоставить их с соответствующими элементами культуры соседних племен и народностей Южного Таджикистана.

Заключение работы посвящено характеристике современной культуры и быта локайцев. Автор мимоходом касается осуществленного за годы советской власти социального переустройства хозяйства локайцев и уделяет основное внимание животноводству, хотя оно не составляет ведущей отрасли колхозного хозяйства. Чувство неудовлетворенности оставляет и освещение культуры и быта современного колхозного крестьянства.

Несколько мелких замечаний. На стр. 150 автор пишет: «По мере развития совхозного и колхозного строительства и ликвидации эксплуататорской верхушки, основная масса скота у локайцев сосредоточивалась (подчеркнуто нами. — Я. В.) в совхозах и колхозах». Здесь нельзя говорить о совхозах: поголовье скота в совхозах является государственной собственностью. Говоря о том, что колхозники (автор имеет в виду локайцев) обычно имеют в личном пользовании одну-две лошадей (стр. 155), следовало отметить, что это является нарушением устава сельскохозяйственной артели для хлопководческих районов Таджикистана, где в настоящее время живут и работают локайцы. Каждый колхозный двор может здесь иметь лишь продуктивный скот и неограниченное количество птицы, но не рабочий скот — лошадей.

Представляется сомнительным выделение Б. Х. Кармышевой и некоторыми другими этнографами Таджикистана среди современных узбеков бывших племенных групп локайцев, карлуков, катаган¹. Ведь и сам автор указывает, что родоплеменное деление теперь полностью утратило свое значение (стр. 9).

Нельзя не пожалеть, что в рецензируемой работе даже в самой общей форме не получил освещения собранный этнографами Таджикистана значительный материал по изучению этнического состава населения Кулябской области.

К числу недостатков работы следует отнести неудовлетворительный по содержанию подбор некоторых фотониллюстраций и плохое их выполнение (рис. 6, 7, 13, 14).

В книге имеются и другие недостатки частного характера, но в целом рецензируемая работа оставляет благоприятное впечатление и является полезным исследованием, появление которого следует приветствовать.

Я. Р. Винников

М. К. Азадовский. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель. Чита, 1955.

Советскому читателю хорошо знакомо имя Владимира Клавдиевича Арсеньева, известного писателя, путешественника, замечательного исследователя Дальнего Востока.

4 сентября 1955 г. исполнилось 25 лет со дня смерти В. К. Арсеньева. К этой памятной дате Читинское книжное издательство выпустило небольшую книжку М. К. Азадовского «В. К. Арсеньев — путешественник и писатель». М. К. Азадовский посвятил много времени и сил изучению творчества В. К. Арсеньева. Как сообщает в предисловии к рецензируемой книге ее редактор Е. Петряев, М. К. Азадовский обнаружил в архивах и редких изданиях новые материалы для характеристики как лите-

¹ В другой своей работе, основанной на сплошном этнографическом обследовании (1948—1949 гг.) локайцев, катаган, карлуков, семизов, кесамиров и некоторых других, в прошлом племенных групп, теперь вошедших в состав узбекского народа, Б. Х. Кармышева называет их народностями (см. Б. Х. Кармышева, А. К. Писарчик, Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области, «Изв. Отделения общественных наук АН Таджикской ССР», вып. III, Сталинабад, 1953, приложение к стр. 76).